

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Последние богатыри

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Последние богатыри / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 216 с.

ISBN 978-5-519-99136-0

ISBN 978-5-519-99136-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Айша вышла на улицу вмѣстѣ со старухой, женою паши...

Та привязалась къ дѣвушкамъ. Сначала, было, заговорила зависть къ ея красотѣ и молодости, а потомъ сообразила, что вѣдь все равно, паша возьметъ вторую жену, такъ ужъ лучше эту: эта добрая, послушная.

— Тебѣ хорошо будетъ!—приставала къ Айшѣ старуха.

Айшу точно что-то за языкъ дергало, ей хотѣлось рассказать о Соймоновѣ, о томъ, какъ добры къ ней русскіе, какъ, вообще, хорошо съ ними, и, разумѣется, рассказала бы, да разъ, какъ-то, она видѣла слѣдующую сцену. По казанлыкской улицѣ вели русскаго плѣннаго. Онъ обливался кровью, одна нога была перебита, черезъ все лицо шла рана поперекъ... Едва ползъ, опираясь на палку... Старуха-жена Эйюба, увидѣвъ его, озлобилась, во все горло и на всю улицу стала выкрикивать:

— Гяуръ, христіанскій песъ... Отчего тебя не пришибли по пути, что это за солдаты!..

— Побѣжденнымъ смерть!—по корану разсуждалъ ея мужъ Хюсни-паша...—Размечите ихъ, чтобы жены ихъ и дочери долго плакали о судьбѣ своихъ мужей и отцовъ... Слезы женщинъ пріятны побѣдителямъ... Пусть дѣти ихъ растутъ въ страхѣ къ нашему могуществу... Пусть они знаютъ, что никто, поднявшій на насъ оружіе, не получитъ пощады...

Мулламъ нравился Хюсни больше всѣхъ.

— Эхъ, если бы у насъ всѣ думали такъ, какъ ты. Славное время Махмудовъ и Селимовъ скоро бы вернулось и поганыхъ франковъ не было бы вовсе между правовѣрными!..

Въ безсонныя ночи Айша мучилась неопредѣленными опасеніями.

Ей все чудился Соймоновъ, измученный, обливаемый кровью, безсильно распростертый на ледяной поверхности Балканъ...

Сердце такъ и стремилось къ нему, а ненавистная клѣтка держала здѣсь въ душныхъ комнатахъ казанлыккаго гарема. Она даже писала своему брату: „Если попадется тебѣ, или кому изъ вашихъ, въ плѣнъ докторъ (хекимъ баша), Сойманъ, спаси его, потому что онъ спасъ меня и многихъ другихъ изъ нашихъ“. Выходя въ конецъ города, откуда были видны на сѣверъ грозныя вершины засыпанныхъ снѣгами горъ, она съ отчаяніемъ всматривалась туда, и когда надъ ними точно курился бѣлый дымокъ, сердце сжималось тоскою и болью. Она хорошо понимала, что это горная мятель бушуетъ тамъ и злится, что посреди мятели, быть можетъ, умираетъ онъ.

Какъ-то шла по улицѣ, видитъ знакомое лицо... Турокъ?.. Гдѣ его видѣла?

Всмотрѣлась и вспомнила, въ Габровѣ.

Подошла, забылась совсѣмъ, даже за руку его схватила... Тотъ тоже схватился, недоумѣло смотреть на нее.

— Изъ Габрова, давно ли, какъ попалъ сюда?

— Бѣжалъ, ханумъ!

— Что такъ?

— Это ты, Айша! А я думалъ кто...—Наконецъ, разобралъ и онъ, изъ-подъ слегка приподнятаго покрывала, черты ея лица.

— Что въ Габровѣ?

— А тебя считаютъ тамъ умершею... Думаютъ, что ты замерзла по дорогѣ.

Что-то кольнуло се въ сердце.

И онъ, значить, тоже считаетъ ее умершею.

— Докторъ съ горъ приѣзжалъ тебя искать, такъ и уѣхалъ.

— Сестры, что?

— Русскія?.. Тамъ же все въ монастырѣ работаютъ... Мулла про тебя въ мечети сказалъ, что ты совсѣмъ къ русскимъ ушла!.. А ты вотъ гдѣ!..

Значить, можно пробраться туда?.. Вѣдь прошелъ же этоть.

— Какъ ты прошелъ?

— Думалъ пропаду, да слава Аллаху, къ своимъ попалъ, тѣ вывели!..

Какъ-то по Казанлыку вѣсть прошла, проведутъ русскихъ плѣнныхъ.

„Нѣтъ ли и его между ними?“

И Айша, наскоро завернувшись въ свое покрывало, бросилась навстрѣчу... За городомъ наткнулась на партію оборванныхъ, измученныхъ солдатъ... Турки ихъ беспощадно подгоняли прикладами... Она внимательно всматривалась въ лица плѣнныхъ... Каждого пропускала мимо себя... Все чу- жие... Ни одного знакомаго не видно...

ГЛАВА II.

Въ гаремѣ.

Несмотря на зиму, теплая ночь охватывала Казанлыкъ отовсюду, когда Айша шла домой по шумнымъ еще улицамъ турецкаго города.

Туманъ окуталъ вершины Балканъ, и какъ она ни всматривалась на сѣверъ, ей ничего не удавалось различить въ однообразномъ сумракѣ далей.

Айша кралась по стѣнкамъ домовъ, пугливо озирая встрѣчныхъ. Она была одна между ними. Ей совсѣмъ страшно казалось еще нѣсколько минутъ провести среди этой толпы.

На поворотѣ передъ Айшею легла опять совсѣмъ пустынная, обставленная темными домами, молчаливая улица. Она скользнула туда... Яркія звѣзды свѣтились вверху, на темносинихъ ночныхъ небесахъ.

Луна прорѣзалась... Изъ-за минарета засіяла серебрянымъ краемъ.. Совсѣмъ черный минаретъ кажется еще чернѣе.

Она взглянула опять на сѣверъ. Тумана какъ не было... Свѣтлая ночь густилась тамъ голубыми сумерками..

„Теперь,—думала Айша,—мѣсяцъ ярко освѣщаетъ горы... Серебрятся ихъ скаты подъ его ласковымъ свѣтомъ“.

Черные дома по сторонамъ стали еще чернѣе... Изрѣдка, гдѣ-нибудь, хлопала калитка, на улицу выглядывало робкое лицо женщины и снова пряталось... Съ вышины минарета послышался печальный крикъ муэззина.

Айшѣ не хотѣлось еще идти домой... Она знала, что старая Гюльма не спитъ, станетъ приставать къ ней съ разсказами о томъ, какъ скоро турки начнутъ вырѣзывать русскихъ, какъ уцѣлѣвшихъ потопятъ въ Дунаѣ и истребятъ даже ихъ женъ и дѣтей, чтобы на свѣтѣ какъ можно меньше оставалось этого проклятаго племени. Она повернула въ другую улицу. Та уже выходила на окраину города; за нею видны смутно намѣчивающіяся туманныя облака обезлиствѣвшихъ садовъ и рощъ, со всѣхъ сторонъ ревниво обступившихъ мирныя еще недавно села этой счастливой долины розъ. Теперь эти деревни пусты, совсѣмъ пусты... Только хоронящійся отъ свѣта мародеръ, да бродячія шайки башки-бузуковъ засѣли въ пустыхъ руинахъ. Изрѣдка гулкій раскатъ выстрѣла...

Айша оглянулась назадъ, бѣлый городъ точно наступаетъ на нее оттуда.. Бѣлые минареты рвутся вверхъ изъ охватившей ихъ отовсюду массы домовъ.. Эти улицы, примыкающія къ окраинамъ города, совсѣмъ разорены. Рѣдкій домъ уцѣлѣлъ. Разбитыя стѣны, выдавленные окна, разоренные сады... Тутъ вотъ заборъ проломанъ, и вся внутренность еще недавно богатаго болгарскаго дома видна насквозь...

Айша добралась до небольшой площади.

Передъ ней темнѣла всѣми своими окнами старая мечеть. Высокій минаретъ ея тонулъ въ воздухѣ, вырѣзываясь на голубомъ небѣ своею острою верхушкою. Налѣво обезлиствѣвшій вздрагивалъ подѣ легкимъ дыханіемъ ночного вѣтерка старый тополь. Меланхолически журчалъ фонтанъ, гоня холодную струю въ мраморный бассейнъ.

Ей хорошо было здѣсь... Она часто уходила сюда думать и мечтать.

Молодая турчанка вѣрила въ скорый конецъ войны. Она старалась не думать о новыхъ битвахъ, о тѣхъ рѣкахъ крови, по которымъ люди эти доплывутъ до мира и спокойствія. Ей жутко было слышать далекіе отголоски шипкинскихъ орудій; она гнала отъ себя тяжелыя мысли о новыхъ жертвахъ. Иногда ей представлялась невозможная, страшная картина, какъ ея братъ сцѣпился съ Соймоновымъ, какъ они душатъ и рѣжутъ другъ друга... Но тотчасъ же, вслѣдъ затѣмъ, успокоенное воображеніе рисовало ей иныя картины, общаго мира, далекаго загадочнаго края, куда она уйдетъ съ Соймоновымъ, куда за ней уйдетъ и ея братъ...

Что хорошаго здѣсь, на родинѣ?

Здѣсь, гдѣ женщинъ держатъ, какъ птицъ въ клѣткахъ, здѣсь, гдѣ никто и пикнуть не смѣетъ передъ чужою волей!.. Здѣсь, гдѣ жизнь человѣческая цѣнится ни во что...

— Ханумъ, ханумъ!..—послышалось изъ-за мечети.

Айша вздрогнула.

— Ханумъ... Айша?

— Я здѣсь... Кто тамъ?

— Это я... Зейнабъ.

Отвратительное черное лицо съ бѣлыми бѣлками глазъ и полуоткрытымъ ртомъ показалось около.

— А что, вѣрно, Гюльма зоветъ?

— Да... Ужъ, я знаю, гдѣ отыскать ханумъ!—хвасталась негритянка, хватая Айшу за руки и цѣлуя ее.

— Зачѣмъ ты цѣлуешь? Вѣдь я сказала тебѣ, что я такая же несчастная рабыня, какъ и ты.

— Нѣтъ, Айша. Ты госпожа скоро будешь. Это мы рабыни, насъ и на рынкахъ продаютъ потому... А тебя наша любить... Онъ Гюльму не любитъ уже, она стара, вѣдь. А тебя любитъ. Ты скоро будешь полная хозяйка у насъ въ домѣ... Мнѣ какъ сказала Гюльма: отыщи Айшу, и я пришла сюда... Я знаю, что ты любишь это мѣсто.

Закутавшись, онѣ обѣ двинулись въ сумракъ узенькой улочки, бывшей передъ ними.

— Хорошо въ Турціи,—восхищалась негритянка.—Ахъ, какъ хорошо!.. Я сюда попала совсѣмъ еще молодой. Помню прежде.

— Есть еще страны, гдѣ еще лучше.

— Такихъ нѣтъ!—убѣжденно отозвалась Зейнабъ.

— Въ Россіи лучше, тамъ женщины не прячутся, онѣ свободны совсѣмъ. За кого хотятъ, за того и выходятъ... Тамъ нельзя жениться на двухъ... На одной только.

— Говорятъ, московскія женщины съ открытыми лицами ходятъ.

— Да.

— Ай, срамъ какой!.. То-то пророкъ отвратилъ отъ нихъ лицо свое и проклялъ ихъ. Ему противно видѣть такое безстыдство... Ты знаешь, тамъ, въ Россіи, ѣдятъ собакъ и свиней... Они всѣ нечистые... эти русскіе!..

— Кто тебѣ рассказывалъ объ этомъ?

— Ужъ я знаю... Я издалека вѣдь... Изъ такой страны, гдѣ солнце жжетъ огнемъ. У насъ пески; только у рѣкъ зеленъ есть... Мы голыя ходили... Никакого платья на насъ не было... А только и у насъ лучше, чѣмъ у урусовъ... Москва—проклятая страна! Турки убили моего отца и мать, когда отнимали насъ съ братомъ у нихъ; а все-таки они лучше русскихъ...

Узенькая улочка оканчивалась, упираясь въ глиняный заборъ.

Рабыня отворила калитку. Айша юркнула туда, Зейнабъ за нею.

Пробираясь по узенькой дорожкѣ между безлистными кустами розъ, онѣ дошли до второго забора. Тутъ тоже была калитка... Постучали въ нее.

— Зейнабъ, ты? — послышался издали старушечій голосъ.

— Я... Айша со мною.

— Рада, что ноги молодья, бѣгаетъ до ночи. Погоди, поживешь съ мѣе, станешь дома сидѣть, — ворчала старуха, отворяя калитку.

— Ночь хорошая... — стала, было, оправдываться Айша.

— Я ужъ дошла до того, что на ночь люблюсь лишь изъ окна. Лучше не надо...

— Я гуляла тутъ. Около мечети.

— Ой ты, Айша, Айша! Что это съ тобою? Какія это дѣвушки стали, не боятся ничего. Развѣ можно одной ходить тамъ... А если бы обидѣлъ кто?

Въ небольшой комнатѣ тускло свѣтился бумажный масляный фонарь, спускаясь по длинной веревкѣ. Полъ-комнаты занимала громадная софа. По ней были разбросаны подушки и одѣяла. На одномъ концѣ ея лежала доска, на доскѣ дымилось блюдо горячаго риса... Въ печкѣ, въ углу комнаты, трещалъ огонекъ и слышалось за стѣною изъ бани клоко-танье кипѣвшей воды.

— Ну, что? пойдешь въ баню сначала?

— Да, — и Айша стала раздѣваться, сбрасывая на софу платье. — Жарко какъ здѣсь.

— Тебѣ жарко? А мнѣ ужъ давно холодно... Я давно уже не знаю, что значитъ жарко.

Продвинувъ пальцы ногъ въ ремни деревянныхъ башмаковъ на высокихъ подставкахъ, Айша пошла въ баню.

III.

Вѣсти съ горь.

Не успѣла еще Айша одѣться послѣ бани, какъ въ кибитку къ нимъ кто-то застучалъ сильною мужскою рукою.

— Аллахъ!—заволновалась старуха.—Кто можетъ быть такъ поздно?... Зейнабъ, ступай, буди Гассана.

Негритянка, уже заснувшая, было, передъ огнемъ, живо вскочила и бросилась къ двери.

Старый Гассанъ спалъ себѣ на кошмахъ въ конюшнѣ, около лошадей и мирнаго осла, совершенно довольнаго своею участію: давно уже ему не приходилось возить никого и ничего. Спросонья негритянка наткнулась на это терпѣливое животное.

— Ну, чего тамъ еще... Съ ума сошла, что ли? — обернулся къ ней Гассанъ.

— Слышишь...

— Чего еще?

— Слышишь, стучать... Госпожа велѣла тебѣ подняться и отворить.

— А сама не можешь...

— Я женщина. Это, слышно, мужчина стучить.

— Женщина! Шайтанъ шайтаномъ, а тоже считаетъ себя женщиной,—ворчалъ Гассанъ, подымаясь.

— погоди, еще женишься на мнѣ,—пощутила Зейнабъ.

Стукъ продолжался все громче и громче.

— Сейчасъ... Чего торопишься, или Азраилъ гонится за тобою съ огненнымъ мечомъ своимъ? Должно быть, аскеръ.

— Почему аскеръ?

— Потому что простой турокъ не осмѣлится стучать теперь,—сообразилъ Гассанъ.

— Солдатъ, значитъ отъ паши съ Шипки.

— Эй, кто тамъ? — остановился Гассанъ передъ воротами.

— Живѣй отворяй.

— Кому отворять-то?.. Мало ли васъ, бродягъ, по ночамъ шатается.

— Аскеръ, аскеръ... Изъ редифовъ... — успокоилъ его тотъ за калиткой.

Гассану слышно было, какъ лошадь тамъ бѣсть конь-томъ въ окрѣпшій снѣгъ.

— Отъ кого ты?

— Отъ самого паши... Отъ Хюсни-паши... Дѣло есть... Да отворяй скорѣе.

— Скоро только смерть приходитъ! — философски проворчалъ Гассанъ, подымая щеколду калитки.

— Лошадь куда бы поставить...

— А ты кто будешь?

— Омеръ... Братъ Айши.

Куда дѣвалась лѣнь! Гассанъ быстро подхватилъ его подъ руку, ввелъ во дворъ: потомъ помѣстилъ его коня въ конюшню.

— Какъ простынетъ, — ячменя ему дамъ. Сѣна у насъ тоже много.

— Спасибо... Айша спить?

— А вотъ сейчасъ побѣгу къ нимъ. Погоди меня здѣсь.

Омеръ остался одинъ... Оселъ заораль, было, привѣтствуя гостя, да неожиданно смолкъ, точно сообразилъ, что не стоитъ. Омеръ самъ разсѣдлалъ коня. Повѣсилъ уздечку на стѣну, сѣдло положилъ въ уголъ и накрылъ его чепракомъ. Самъ себѣ высмотрѣлъ мѣсто, — гдѣ заснуть на случай, ежели сестра его уже въ постели.

— Иди, тебя зовутъ, господинъ! — почтительно позвалъ его Гассанъ.

Омеръ двинулся за нимъ.

Въ гаремѣ сестра, было, кинулась къ нему, да Гюльма схватила ее за руку.

— Безстыдная... Закрой лицо...

— Да вѣдь онъ братъ,—попробовала, было, оправдаться Айша.

— Мало ли, что братъ... Не маленькій ужъ...

Старуха уже плотно закуталась въ свое покрывало. Даже негритянка и та спустила на лицо какую-то сѣрую тряпку.

— Ну, да будетъ благословенъ приходъ твой.

Омеръ сдѣлалъ селямъ и молча сѣлъ въ уголъ. Первый со старшимъ онъ не осмѣлился заговорить. Старуха нѣсколько помолчала.

— Какова погода?

— Тепло...

Опять молчаніе. Айшу разбирало нетерпѣніе.

— Какой дорогой пришелъ, сынъ мой?

— Съ горъ... Съ Шипки...

— Не усталъ ли?

— Я ѣхалъ верхомъ... Паша далъ мнѣ коня.

— Какъ здоровье моего господина? Ищадятъ ли его пули невѣрныхъ?

— Слава Аллаху... Пашу я оставилъ веселымъ.

— Хорошо ли ему тамъ?

— У него землянка большая.

— Тебя зовутъ Омеромъ, сынъ мой?

— Да...

— Ты братъ Айши?

— Ну, разумѣется, братъ,—опять вспыхнула Айша, которой казалось, что всѣмъ этимъ предварительнымъ переговорамъ конца не будетъ.—Разумѣется, братъ... Чего еще тутъ?

-- Тамъ, гдѣ говорить старая курица, цыплята молчать должны.

— Зачѣмъ паша, мой господинъ, прислалъ тебя, юноша?